

ГЛАВА 1

Рим, Италия. 1972 год

Раннее утро расправляло затекшие плечи, чтобы принять в свои объятия еще один по-средиземноморски знойный день. Карло вышел из подъезда, хлопнув покосившейся дверью, гулко окликнувшей его на прощание. Он зашагал по безлюдной улице с утренними тенями, посматривая на часы, крепко сидящие на кожаном ремешке. Он знал, что не опаздывает, прийти на станцию вовремя было бы дурным тоном: итальянские поезда славились непунктуальностью. На станции Гарбателла он повстречал парочку знакомых, от которых узнал незначительные новости, собранные предыдущей ночью за кружкой пива в одной из забегаловок этой рабочей окраины Рима.

Послышался стук колес. Люди оживились, нехотя поднимаясь с лавок. Поезд приблизился и, мерно постукивая, без остановки прошел мимо станции.

— Черт возьми, в депо, наверное, идет, — пробормотал старик, стоявший рядом. — Ну прямо поезд-призрак.

— Что еще за поезд-призрак? — спросил Карло.

— Старая история. В Ланцио еще в начале века пропал целый поезд. Три вагона.

— Пропал? Как поезд может пропасть?

— Это мне неизвестно, — буркнул старик. — Знаю только, что заехал в туннель и исчез в темноте. Ну ты даешь, парень, да любой ребенок эту историю знает!

— А пассажиры, они тоже пропали?

— А то! Сгинули с концами, и баста!

Карло шагнул к краю платформы и посмотрел на убегающие вдаль рельсы. Вздрогнув от громкого гудка, он отступил: шел еще один поезд. Состав с шипением остановился, резко дернувшись напоследок. Встав на подножку, Карло окинул взглядом сонных пассажиров, которые не спеша погружались в пока еще прохладное железное нутро. Поезд тронулся, увозя с собой рабочий люд навстречу очередному тяжелому дню на фабриках и заводах. Две монахини, смиренно потупив глаза, разместились на сиденьях напротив. В руках у одной была старенькая Библия, она держала ее, как мать ребенка, легким сплетением пальцев образуя нерушимую связь. Карло откинулся на жестком сиденье и закрыл глаза. «Поезд-призрак. Мог ли целый состав испариться? Нет, старик просто спятил, поверил в одну из детских баек, — подумал Карло, плавая на поверхности утренней дремы. — Все это сказки. Так не бывает. Не бывает». И он провалился в сон.

* * *

Со станции Термини Карло напрямиком отправился на работу в редакцию. Солнце накаляло воздух на виа Национале. Оно бросало все более смелые лучи на фасады зданий, на балконы с цветными палантинами,

пробиралось под подоконники нижних этажей. Из сумрачных арок все еще выпархивали свежие дуновения ночи, охлаждая кожу. Но Карло знал, что уже через пару часов и вплоть до самого вечера везде будет править зной. Свернув на виа дей Кондотти, он пошел мимо магазинов и кафе. Их владельцы привычными движениями раскручивали шланги, чтобы отмыть мостовую перед входом. Со стороны церкви Тринита-дей-Монти слышался переливчатый звон колоколов.

Вскоре он подошел к редакции. Здание казалось заброшенным, первый этаж щетинился заколоченными окнами — немое свидетельство быстро распространявшегося вируса безработицы. Карло вбежал по скрипучим ступеням и толкнул дверь в контору. За полгода работы он успел привыкнуть к запаху бумаги, кофе, сигаретного дыма и пота, и теперь этот запах настраивал его на рабочий лад, словно рефлекс у собаки, заставлял подбираться тело и стучать сердце. Внутри было шумно и светло. Сновали газетчики, потрясая над головой бумагами, стенографистки отбивали ритм на пишущих машинках, в чашках плескалось кофейное топливо — все как обычно. От дыма слезились глаза. Карло пришлось вытащить пачку «Эмбасси» и закурить.

— Никотин — лучшие чернила, — пробормотал он, затянувшись, и стал протискиваться к своему столу.

Уже издалека он заметил на нем какие-то бумаги. Опять кто-то оставил для него очередную чепуху, от которой веет мертвечиной за несколько метров. Не таких сюжетов он ждал, когда пришел работать в редакцию. Он хотел писать о вечной красоте Рима, о прекрасных кинодивах, вальяжных бизнесменах, о гордых жителях и равнодушной молодежи, меч-

тающей преобразить великий город. Вместо этого он оказался на темной стороне. Изнанка Рима — то, что никогда не обсудят за семейным ужином, чтобы не спугнуть сон ребенка, стало реальностью Карло. Реальностью, которая встречала его каждое утро и, будто измученная ожиданием дева, падала в руки, как только он появлялся на пороге. Убийства, бандитские разборки, кражи, финансовые махинации, стычки демонстрантов, проституция и черт знает что еще. Однако именно эти преступления и позволяли ему оставаться в конторе. В разгар безработицы нигде не ждали неопытного журналиста, только осваивающего силу пера. Но Карло верил: рано или поздно он напишет материал, достойный первой полосы.

— Эй, детектив, кофе будешь? — пухлый Джузеппе возник за спиной Карло и протянул ему кружку дымящейся Барберы, лучшего конторского кофе «для своих».

— Давай. Что опять стряслось? — спросил Карло, запуская руку в густую шевелюру и кивая на бумаги на столе. — Почему Рим не может спокойно спать по ночам?

— Изнасилование американской гражданки. Кто-то из радикальных группировок постарался, ничем не брезгают, мерзавцы.

— К нам и так никого сахарной ватой не заманишь, а тут еще такое.

— Да уж, туристам подавай гастрономические туры, сентиментальные поездки по побережью, а в наш духовой шкаф никто ехать не хочет, так что не вздумай нагонять еще больше тоски.

— Да куда уж больше!

— А я говорю тебе: незачем создавать лишние проблемы. Рим — прекрасный город, и, если в нем

Феррагосто

находится парочка подонков, это не значит, что все его жители такие.

Внезапно в офисе стало тихо. Замер дробный стук машинок, притихли голоса, остался лишь звук тяжелых шагов, сотрясающих пол, и Карло увидел шефа редакции. С его обычно приветливого лица, казалось, стряхнули все эмоции, плотно сжатые губы напоминали застарелый шрам. Тяжелая шея начальника утопала в широких плечах под добротным, но помятым пиджаком. Не глядя ни на кого вокруг, синьор Аффини прошел мимо Карло, и до парня донесся сильный запах спиртного. Когда массивная фигура скрылась за дверью кабинета и в комнату вновь вернулись звуки, Карло произнес:

— Кто-то провел бессонную ночь!

— Ma dai!¹ Просто держись от него сегодня подальше.

— Даю голову на отсечение, дома он не ночевал, — усмехнулся Карло, памятуя запах алкоголя.

— Тут дело в другом. Сегодня годовщина со дня... — Джузеппе помедлил. — Тебе разве еще никто не растрепал? А, ты ведь еще у нас не работал тогда. В общем, год назад пропала его дочка. Мы писали об этом, материал пошел на первую полосу, я хорошо запомнил тот день. Шеф потом еще месяц никому спуска не давал, будто озверел.

— Ее не нашли?

— Ни следа. Она ушла в школу как-то утром, и больше ее никто не видел.

— Merda. Что могло с ней случиться?

— Ты же ведущий криминальной колонки, сам бы мог догадаться!

— Думаешь, она могла сбежать от отца?

¹ Да брось ты! (итал.)

— В одиннадцать лет?

— Не хочется думать, что с девочкой случилось что-то страшное, — задумчиво произнес Карло.

— Только ты, главное, боссу об этом не ляпни. Зачем он вообще на работу пришел! Ладно, братишка, чао, мне пора бежать. Социалисты сегодня снова ба-стуют, нужно их отснять для вечернего номера. Удачи с иностранкой!

— Чао, Джузеппе.

Карло уселся за стол. Растрескавшаяся поверхность словно поджидала, чтобы занозить ему руки. Он с осторожностью взял бумаги и прочитал полицейский отчет, по данным которого выходило, что некая американская гражданка, фотограф, прибыла в Рим для работы. После дня, проведенного вместе с демонстрантами, она решила продолжить знакомство с городом и отправилась снимать ночные улицы. Свидетели видели ее в одном из баров, куда она зашла сделать парочку кадров.

Карло постучал карандашом по столу и закрыл глаза. Представлять место преступления было его «фишкой». Только так он мог взглянуть на происшествие изнутри, находя скрытые под безликими отчетами мотивы. Карло привычно «отключил» конторский шум и перенесся в ночной бар, забитый посетителями. Он попытался разглядеть среди толпы иностранку — диковинную птицу, залетевшую на птичий двор. Он обернулся вместе с несколькими мужчинами вслед молодой женщине в обтягивающих джинсах с дерзким клешем, увидел, как тонкие руки придерживают висящий на груди фотоаппарат. Он напрягся, чтобы разглядеть лица двоих неизвестных и подслушать, какие

Феррагосто

напитки они заказали. Но никак не мог продвинуться дальше, картинка дробилась на части. Карло пытался удержать их вместе, продолжая следовать за троицей. Куда они держали путь? Знала ли молодая женщина, чья доверчивость после этой ночи никогда не будет прежней, кем были ее спутники на самом деле? Почему она не побоялась покинуть безопасное место? Хотела ли она продолжить работу или просто развлечься?

Но вопросы не помогали. Навязчивый стук сбивал с толку, отвлекая внимание. Тот же звук, что он слышал сегодня утром на станции. Карло огляделся по сторонам и снова закрыл глаза. Стук не прекращался. И когда он прислушался — перед глазами появилась картинка, а звук обрел наконец форму. Он увидел поезд — величавую железную машину — так ясно, словно тот находился на расстоянии вытянутой руки. Поезд, которому не суждено было добраться до конечной станции и который вез пассажиров, каждого из которых ждали на перроне с праздничным волнением, с замиранием сердца. Карло наблюдал вереницу лиц, подсвеченных ожиданием, вот дети вглядываются в даль в предвкушении истории, которую им расскажет прибывший дядюшка, вот женщины поправляют шляпки, продавец разносит напитки, мужчины курят, расположившись в тени перрона. Но вот лица меняются. Сначала на них появляется нетерпение, потом недоумение. Мужчины хмурят брови, женщины кусают губы. Следом приходит страх. Словно заразная болезнь, он передается от одного к другому, изменяя прекрасные лица, превращая в искаженные маски, не позволяющие узнать друг друга. Паника разливается по станции, слышатся возгласы, плачет чей-то ребенок. Карло резко открыл глаза. Голова кружилась.

Образ пострадавшей американки окончательно исчез, обиженно растворившись в спертом воздухе офиса.

Карло поднялся и направился в маленькую кухню на задворках редакции и, войдя, увидел Бьянку, помощника редактора, которая возилась возле стойки.

— Чао, Бьянка.

— Чао, Карло, — улыбнулась она. — Как жизнь?

— Поживем — увидим. Бьянка, скажи, ты что-нибудь слышала о пропавшем поезде в Ланцио?

— Поезд-призрак? Конечно, кто же о нем не слышал! — воскликнула она и, взглянув на смущенное лицо Карло, расхохоталась. — Не может быть, ты и вправду о нем не слышал?

— Ты же знаешь, я вырос не в Риме.

— Бедняга, — она ласково потрепала его по щеке. — Мое детство было бы во сто крат беднее без поезда-призрака. Помню, как мы бегали по путям в поисках таинственного состава и хотели запрыгнуть в него, чтобы спросить пассажиров, куда они направляются? А чего ты вдруг заинтересовался этой историей, это вроде как и не новость вовсе. Дело-то давнее.

— Не знаю, как объяснить... — Он замешкался. — Мне не дает покоя мысль о том, что, возможно, и правда случилось какое-то происшествие... Ну, то, после которого появилась эта легенда.

— А кто тебе сказал, что это легенда?

— Что ты имеешь в виду?

— Эта история — не выдумка, — проговорила она, сосредоточенно нарезая овощи. — Поезд-призрак действительно существовал. Вот только он не был призраком. Это был самый настоящий поезд, который пустили по рельсам в первый раз. И после того, как въехал в туннель, он пропал.

Феррагосто

— Это не вымысел? — потрясенно спросил Карло.

— Я не могу точно сказать, что на самом деле случилось, в этой истории много таинственного. Разное рассказывают, но что из этого правда, а что — нет, я не знаю. Ты не думал сходить в библиотеку и покопаться там? Если найдешь что-то стоящее, может, тиснем на полстранички.

— Ты меня отпустишь сегодня?

— Вене. Думаю, у тебя в запасе есть несколько часов. Только сдай вовремя текст для колонки.

Попрощавшись с Бьянкой, Карло сразу же отправился в центральную библиотеку, чувствуя, что впервые за долгое время его сердце переполнено вдохновением.

Рим шумел. Этот город не умел просыпаться тихо. Разноцветными жуками проносились малолитражки, трамваи ввинчивались в повороты, рассыпаясь трелями, жители Вечного города не спеша шагали на randevu с традиционной чашечкой кофе в любимом кафе-терии. Карло дождался нужного трамвая и запрыгнул на подножку. Он снял солнцезащитные очки и вытер платком переносицу. Ветер, залетевший в открытое окно, моментально осушил тонкие черты лица, делавшие его похожим скорее на популярного киноактера, нежели журналиста. Хоть он и не мог похвастать статусом местного жителя, но все же с улыбкой гостеприимного хозяина взирал на любопытных туристов с фотоаппаратами наперевес, что, точно дети в конфетной лавке, глазели по сторонам, неспособные выбрать, куда им идти в первую очередь: к Испанской лестнице или фонтану Треви. Рим! Карло любил этот город. Любил его днем, в ярких пятнах лавчонок с россыпью фруктов и связками пахучей зелени, любил его ночью,

когда вино густеет в романтическом сумраке и каждое лицо кажется знакомым.

Через две остановки Карло спрыгнул с трамвая. Колледжио Романо, где располагался центральный библиотечный архив, встретил его белеными наличниками окон, похожих на бойницы: достаточно широкие, чтобы впускать свет внутрь, но не вполне просторные, чтобы причинить вред драгоценным документам и фолиантам. По-южному утопленные в глубь здания, они оставались в тени даже в самый жаркий полдень. Карло уверенно вошел внутрь. Минуту гулкий холл и лекционные аудитории, он прошел по коридору в библиотечный зал. Там сидели люди, которые не то спали, не то настолько глубоко ушли в чтение, что почти лежали на своих столах. Все стены в обозримом пространстве были заставлены шкафами с застекленными полками. Повсюду стояли книги.

Карло подошел к стойке.

— Доброе утро, синьорина, — окликнул он девушку, заполнявшую формуляр. — Я хотел бы получить доступ к некоторым архивным материалам. Я журналист, газета *Settembre*.

— Доброе утро, синьор, — откликнулась она приятным голосом. — Можно ваше удостоверение?

Карло протянул документ. Девушка поинтересовалась, что именно ему нужно, а получив ответ, поднялась и позвала за собой. Они оказались в царстве картотечных шкафов. Небольшие ящики щерились окошками с цифрами и датами, проставленными аккуратным почерком. Воздух в помещении казался свежим и сухим, чувствовалось, что необходимый климатический баланс здесь неукоснительно поддерживался.

— Еще раз, синьор, какой год вас интересует?

Феррагосто

— Я не уверен. Возможно, 1910-й. Давайте начнем с него. Просмотрю газеты с этого периода, вдруг попадется что-то ценное.

— Что конкретно вы ищете, синьор?

— Информацию о происшествии, которое, возможно, имело место в начале столетия. Пропавший поезд в Ланцио. Слышали о таком?

— А-а, да, это у нас здесь, — буднично ответила она и уверенно прошла к одному из шкафов. Ловкими пальцами быстро перебрала картонные прямоугольники и, выудив один, сказала: — Тысяча девятьсот одиннадцатый год. День я не помню. Вам придется просмотреть все выпуски за это время.

Окрыленный столь быстрым успехом, Карло пробормотал слова благодарности, не отрывая глаз от кип газет, которые девушка одну за другой бережно выносила и складывала ему на стол. Среди пожелтевших, истонченных временем листов, скрепленных бечевкой сквозь двойные укусы дырокола, он разглядел не только римские, но и кампаньские выпуски, и даже подшивки из Флоренции. И когда симпатичная сотрудница, склонившись над столом, объясняла ему правила работы с документами, он уже не слышал ее. Взгляд и мысли его унеслись далеко за пределы тихой прохладной комнаты.

* * *

Вернувшись на работу, Карло попытался собраться с мыслями и обдумать информацию, которую смог собрать за четыре часа. Он разложил перед собой отпечатанные фотокопиром дубликаты статей, фото-

графии некоторых пропавших пассажиров, крупные планы станции отправления и предполагаемого прибытия поезда-призрака. Он сидел в оцепенении и все еще не мог поверить в реальность тех фактов, что ему удалось раздобыть.

Бьянка была права. В 1911 году в Ланцио действительно исчез поезд вместе со всеми пассажирами на борту. С трепетом Карло вновь перечитал вырезки статей, которых, к его удивлению, было совсем немного. По какой-то неизвестной причине происшествие не вызвало широкого резонанса в прессе.

15 августа 1911 года, в священный праздник Феррагосто, с железнодорожной станции в Ланцио торжественно отправился электропоезд. Это был великолепный образец, венец инженерной мысли того времени. Электропоезд принадлежал компании *Ferrovie dello Stato*, взявшей под контроль железнодорожную промышленность с апреля 1905 года, предварительно выкупив все доли и права у частных компаний. Ланцио, один из городов-счастливиц Италии, удостоился чести получить в пользование первую железную дорогу, и горожане многого ожидали от возможностей, которые предоставляла столь полезная транспортная ветка, связывающая их со столицей.

Самые знатные и зажиточные представители итальянского общества приглашены сделать первый заезд. Поезд, состоящий из трех вагонов, должен пройти тридцать четыре километра от Ланцио до Термини в Риме, где на станции его с почетом встретят градоначальник, представители газет и жители столицы. Поезд входит в туннель, который находится на 16-м километре, там, где горы встали на пути железной дороги. Издав приветственный гудок,

поезд скрывается в туннеле, но снаружи не появляется. После продолжительного ожидания работники железнодорожной компании и полиция обоих городов отправляются к туннелю, предполагая поломку или непредвиденное происшествие, но не находят и следа машины и людей. Спустя некоторое время в полицию Ланцио обращается один из пассажиров пропавшего поезда, некий Энцо Гори. Молодой человек глубоко потрясен происшествием и не способен внятно отвечать на вопросы. С трудом удается узнать, что перед самым въездом в туннель чудом спасшийся наблюдал белое облако, которое густело и расползлось по мере приближения к туннелю. Охваченный ужасом, Энцо спрыгивает с подножки поезда в самый последний момент — перед тем, как тот навеки сгинет в темноте.

Карло откинулся в кресле, пытаясь осознать только что прочитанное, но тут на его плечо шлепнулась чья-то рука. Зычный голос Антонио, его коллеги-журналиста, нарушил ход мыслей:

— Чем занят, приятель?

— Здорово, Антонио, не могу сейчас болтать, извини.

— Кто этот красавчик? — он схватил со стола фотографию.

— Не валяй дурака. Этот парень давно в другом мире, прояви уважение. Он исчез на поезде, который сгинул черт знает куда, а с ним еще пятнадцать человек, — Карло кивнул на вырезку с фотографией.

— На поезде-призраке? погоди, хочешь сказать, что он и вправду существовал? — Антонио вмиг стал профессионалом своего дела. Он подошел ближе и принялся перебирать бумаги, собранные Карло.

— Очевидно! И не просто существовал, а был самым передовым, великолепным творением своего времени, причем абсолютно исправным на момент исчезновения. Да хоть бы и поломанным! Вещи не исчезают только потому, что неисправны. Не могу понять, как такое вообще могло произойти и почему я никогда не слышал об этом происшествии? — сокрушенно проговорил Карло.

— История, конечно, занятная, но что-то в ней нечисто. Думаешь, хорошая идея лезть в то, что было предначертано свыше? Если Господь посчитал нужным, чтобы эти люди испарились, значит, на то было его повеление. — Он быстро перекрестился, вскинув глаза к потолку.

— Давно ты стал таким суеверным? Эти люди не какие-нибудь отпетые грешники, которым пришло время вознестись на небеса. Это самые обычные люди, как ты и я. Разве что побогаче.

— Они были богаты?

— Чертовски! Самые знатные люди Италии. Отпрыски состоятельных семейств, крупные землевладельцы, фабриканты, банкиры.

— Ессо! Собрали богачей на один поезд, завезли в туннель и забрали все золотишко вместе с пассажирами.

— Не все так просто. Эта версия не работает. Посмотри на фотографию тоннеля. Видишь, какой он узкий? Поезду просто некуда было деться.

— Что ты намерен делать?

— Хочу расследовать это дело и, может, написать об этом.

— Ты уже получил разрешение босса?

— Нет, но я говорил с Бьянкой.

Феррагосто

— С Бьянкой! — ослабился Антонио. — Конечно же, она дала согласие, не так ли?

Посмеиваясь, Антонио зашагал прочь, оставляя Карло с сомнениями, которые роем вились в голове. «Нужно сдать текст», — вдруг вспомнил он. За поисками он совсем позабыл о прямых обязанностях репортера. Закончив со статьей, он вновь пробежался глазами по строчкам, оттачивая слог, чтобы Бьянка осталась довольной и не пожалела о том, что пошла ему навстречу.

Дверь в офис начальника была приоткрыта, и Карло, проходя мимо, заглянул туда. Синьор Аффини сидел за столом. Его пиджак небрежно свисал со спинки кресла, манжеты рубашки подвернуты, крепкие руки спокойно лежали на столе.

— Карло. Проходи, присаживайся. Чем занят, сынок? — отвлекся от раздумий синьор Аффини. Карло вошел в кабинет:

— Все в порядке, спасибо. Я как раз шел к Бьянке, чтобы отдать ей статью.

— Замечательно, — ответил босс, очевидно, размышляя о чем-то другом. Повисла пауза, и Карло не решался нарушить ее. Наконец синьор Аффини поднял со стола фотографию и протянул Карло.

— Посмотри на нее, — с гордостью в голосе сказал он. — Это моя дочь, Франческа.

— Словно ангел, — восхитился Карло.

— Она была всем для меня. Для нас, — он помолчал. — Жаль, что я не могу познакомить тебя с ней, — Карло кивнул. — Знаешь, когда она пропала, то моя жена... — Он поморщился от болезненных воспоминаний. — Луиза ведь никогда не думала, что мы сможем иметь детей. В позднем браке, что был у нас, мы

просто жили друг для друга. Она не мечтала о детях, как многие из итальянских женщин, а у меня уже есть двое сыновей от первой жены, поэтому я не слишком-то настаивал. И когда она забеременела Франческой, то подумала, что это дар небес. Луиза переменилась, Карло, стала другим человеком. Такой счастливой я ее еще никогда не видел.

— Я понимаю, — тихо ответил Карло.

— Уже потом Луиза обвинила во всем меня. Она говорила, что, не будь у нас ребенка, она не испытала бы столько страданий. Но разве я мог обижаться на эти слова? Моя жена лишилась покоя, потеряв самое ценное, что когда-нибудь было ей даровано.

— Мне очень жаль это слышать.

— Посмотри на это лицо, Карло. Скажи, мог бы кто-нибудь навредить этому прекрасному дитяти? Разве она заслужила хоть малейших страданий? Вся жизнь лежала перед ней. Я хотел дать ей все, и я мог это сделать, ты знаешь, я не последний человек в этом городе. Она была моей маленькой принцессой, я был готов отдать жизнь за нее. Но я не смог этого сделать, моя жизнь никому не нужна. — Он тяжело вздохнул, глубокие складки собрались на переносице. — Знаешь, каково это — просыпаться и знать, что твоя дочь больше не выйдет к завтраку, не выбежит навстречу, когда ты возвращаешься с работы? Я до сих пор не верю, что больше не услышу ее ласковый смех, не смогу погладить по голове. Никто не знает, чего мне стоит каждое утро вставать с постели. — Голос его надломился. — А уж сегодня, в день ее исчезновения, я думаю о том, что лучше бы мне вообще не просыпаться.

— Синьор, многие пропавшие находятся, когда-нибудь и она сможет вернуться!

Феррагосто

— Я благодарен тебе за то, что пытаешься утешить старика, но поверь, Франческа не могла уйти сама. За год, что мы разыскиваем ее, не осталось ни единой зацепки, которую бы мы не проработали. У нее не было друзей, о которых мы не знали, она не гуляла в одиночестве, только с матерью или подругами, вся ее жизнь была на виду. Она ничего не скрывала от своих родителей, потому что была счастлива. Я знаю точно, она никогда не покинула бы нас по собственной воле.

— Разумеется, синьор. Я сейчас как раз изучаю дело о поезде из Ланцио и тоже пока не нахожу объяснения этому странному происшествию, но уверен, что найти его возможно. Нужно только знать, что искать, я верю в это всем сердцем!

— Погоди-погоди, ты взялся за исчезновение поезда в Ланцио? Но это было полвека назад, ты что, задумал докопаться до истины спустя столько времени? — В голосе начальника послышалась заинтересованность, он подался вперед.

— Я не думал о том, чтобы начать полноценное расследование. Я понимаю, что у редакции на это нет денег, а у меня не так уж много времени, но мне хочется покопаться. Есть что-то подозрительное в том, что это дело не вызвало общественного резонанса, к тому же я до сих пор не понял, насколько правдива эта история. Как бы то ни было, я должен быть честен, синьор, не могу я всю жизнь писать о криминальных разборках!

— И что тебе удалось накопать? — спросил шеф, пропуская мимо ушей жалобу Карло.

— Немного, синьор, только общие факты, доступные широкой общественности.

— Думаешь, ты мог бы узнать, что на самом деле произошло тогда в Ланцио?

Чуть помедлив, Карло ответил:

— За те полгода, что я проработал в газете, я уже достаточно насмотрелся на человеческие, а скорее нечеловеческие поступки. Каждый раз я оказываюсь перед событием, которое *уже* свершилось. Я могу лишь запоздало сожалеть о том, что никак не мог предотвратить то или иное преступление. — Он вскинул руки в преувеличенно трагичном жесте. — Я приехал в Рим, потому что считаю его величайшим из городов, но его красота прячется от меня. Последние полгода я только и делаю, что выписываю «свидетельства о смерти»! А дело в Ланцио... Оно иное. Те люди для меня словно живые, понимаете, синьор? Словно я все еще могу спасти их. — Карло вскочил с кресла, не в силах больше сдерживать волнение. — Я чувствую, что эта история неспроста произошла 15 августа, в священный праздник Феррагосто. Я хочу найти этих людей, синьор. Их следы, память, все, что от них осталось.

В тишине комнаты жужжал кондиционер, синьор Аффили не проронил ни звука, о чем-то напряженно размышляя. Затем он поднял тяжелый взгляд и, заглянув в лицо Карло, медленно произнес:

— Ты знаешь меня, пусть и недолго. Но, наверное, понимаешь, что я сделал бы все, чтобы найти свою дочь. И, видит бог, я действительно сделал все, чтобы разыскать Франческу. Весь этот год я тратил все до последней лиры на ее поиски. Полиция трудилась как проклятая, только без толку, я нанимал лучших сыщиков, ходил к медиумам, хоть никогда не верил в эту чушь. И если бы осталась хоть малейшая надежда на-

Феррагосто

пасть на след Франчески, я сделал бы все, чтобы использовать этот шанс. Но мы не смогли ничего найти, Карло. У нас не осталось ничего, ровным счетом ничего. Девочка покинула нас, без подсказки, без намека, — он горько вздохнул. — Только горе, бескрайнее горе — вот и все, что осталось нам с Луизой... Найди этих людей, Карло, — решительно сжав громадные кулаки, он внезапно ударил ими по столу. — Узнай, что с ними случилось! Пусть хотя бы *их* близкие смогут оплакать потерю. Я возьму на твое место какого-нибудь бездарного писаку, а ты езжай в Ланцио и копай. Рыскай, ищи! Не оставляй камня на камне, выгрызи эту правду, чего бы это ни стоило. О деньгах не беспокойся. — Голос босса звенел от возбуждения. — Я все оплачу. Только скажи мне, что поедешь в Ланцио. Дай ответ сейчас, не мешкай, мое сердце больше не может ждать! — Синьор Аффини буравил Карло взглядом, который казался темнее ночи.

Оторопевший, тот смог лишь кивнуть. А затем, наконец осознав сказанное, громко и уверенно произнес:

— Да, синьор. Никаких сомнений. Конечно же, я поеду туда и разыщу этих несчастных. Даю вам слово, что отправлюсь в Ланцио завтра. Первым же поездом.

ГЛАВА 2

Ланцио, Италия. 1972 год

Ранним утром Карло прибыл в Ланцио. Еще на перроне он ощутил перемену воздуха, здесь он был заметно свежее, свободнее. Высокое небо с белыми, еще не окрепшими облаками дышало почти деревенским простором, солнце поднималось далеко за горизонтом, простирая нежные лучи. Карло вышел на улицу и прислушался к тишине незнакомого города. Из сосновой рощи по левую сторону слышалось затихающее пение цикад, порывы теплого ветра несли соленый привкус моря и терпкий запах цитруса.

В руках Карло держал кожаный чемодан, в который уместились все необходимые для поездки личные вещи, и вспоминал напутствие синьора Аффини: оставаться в Ланцио сколь угодно долго, как того потребует «расследование». Не спеша спускаясь по неровной брусчатой дороге, Карло старался не споткнуться в жестких кожаных туфлях — городской обуви, не предусмотренной для подобных прогулок, и оглядывался по сторонам. Вдоль улицы, прикрывая уютные фасады, возвышались вековые пинии, степенные стражники домов и усадеб, ловцы прохлады и молчаливые наблюдатели, следящие за каждым шагом незнакомца.

Феррагосто

Не торопясь, Карло дошел до конца улицы, она упиралась в небольшой поросший холм. Ему пришлось свернуть налево, где оканчивалась брусчатая тропа, превращаясь в узкую вытоптанную тропинку. Ступив на нее, он прошел небольшой участок по склону вниз и, повернув голову, увидел море. Синим пятном оно лежало внизу и, дразня пляшущими лучами, казалось таким вечным и безбрежным, что Карло остановился потрясенный, не в силах сделать хоть шаг.

Спустя несколько минут, вдоволь насытившись солонятым бризом, Карло продолжил путь. Спуск оказался не из простых, и с непривычки он быстро запыхался, подозревая, что ошибся и выбрал обходную дорогу в город. Но возвращаться не стал и все же преодолел весь спуск. Вконец оббив туфли и основательно вспотев, он выбрался из рощи и оказался на небольшой площади, пустынной в этот ранний час.

Почти все двери оказались запертыми, и только одно кафе с открытой террасой, скрытое от глаз небольшим проулком, кажется, уже работало. У добродушной продавщицы Карло заказал кофе и фокаччу с прошутто, с трудом сделав выбор из неожиданного разнообразия свежей выпечки. Присев за столик, он оглядел улицу, будто застывшую во времени. Дома, сплошь из камня, легко позволяли нащупать характер городка, в котором Карло предстояло провести неизвестно сколько времени. Он знал, что уже множество десятилетий основную прибыль Ланцио приносят известняково-глиняные карьеры. Они располагались вокруг города, своим местоположением и щедростью раз и навсегда определив его судьбу. Присутствие известняков было заметно невооруженным глазом — две улочки, убежавшие в разные стороны, казались не чем

иным, как зачищенными добела пластами скальной породы, по всей видимости, она стелилась тут везде.

Услышав шаги, Карло обернулся. Пожилой господин в шляпе присел за соседний столик и знаком попросил кофе.

— Добро пожаловать в Ланцио, — обратился старик к Карло.

— Доброе утро! Замечательный у вас городишко!

— В Ланцио приезжают или тяжело работать, или отдыхать, но вы не похожи ни на работягу, ни на отпускника. — Незнакомец подкурил сигарету и выпустил изо рта густой дым. Проследив за повисшими в воздухе белесыми клубами, он повернул голову и прищурился. — Что же привело сюда вас, молодой человек?

— Я приехал, чтобы узнать о пропавшем здесь шестьдесят лет назад поезде, — с готовностью отпартовал Карло.

— Ах да, поезд-призрак. Мог бы и догадаться. — Он пожевал сигарету, словно потеряв интерес к собеседнику. — Все эти годы я недоумевал, почему никто не приезжает, чтобы разузнать о нашем происшествии, задать несколько вопросов. Разве оно не стоит того? Не так уж часто пропадают вагоны, а чтобы целые поезда, да еще и с людьми... — Он присвистнул. — Но черт с ними, приезжими, так ведь и местным нет никакого дела, все будто позабыли о поезде, или же ими движет священный страх? Невозможность что-то объяснить или понять пугает людей, ничего удивительного в этом нет, но, чтобы забыть о трагедии, подобной этой, требуется отменная доля настойчивости.

— Я здесь, чтобы исправить эту несправедливость, синьор. Мое имя Карло, запомните его, потому что

Феррагосто

я могу понадобиться вам, а вы мне. Я журналист и разыскиваю любую информацию о поезде-призраке, и, если она у вас имеется, вы знаете, кому ее поведать. Вы уроженец Ланцио?

— Sì. Ты можешь звать меня дон Паволини. — Он окинул взглядом пространство вокруг. — Я живу тут так давно, что даже не знаю, люблю я этот город или же просто привык к нему... — Он принял из рук официантки чашку с эспрессо и сделал маленький глоток. — А что касается информации... Это не просто курортный городок, друг мой. Люди здесь разные, но все они похожи в одном: языком трепать не любят. По крайней мере, с чужаками. Когда придет время, ты узнаешь, что тебе нужно, но не торопись и не дави. Время здесь идет по-другому, хоть ты пока и не заметил. Я ощущаю себя так, словно только вчера бегал с хворостиной за козами вон на том лугу, босой и счастливый, а тем временем мне уже семьдесят пять. У каждого есть память, научись уважать ее и, если люди не захотят говорить с тобой, не думай, что они ничего не знают. Они не знают тебя — и только. Позволь городу привыкнуть к тебе, не требуй его внимания, и тогда он подарит тебе все свои тайны.

— Я учту это, дон Паволини.

— А presto.

Перекусив и попрощавшись с мужчиной, Карло отправился наугад по одной из улиц в сторону центра, надеясь, что сумеет найти место, где сдавались бы недорогие комнаты на длительный срок. По пути глазам его представляли причудливо расположенные дома, одни выступали вперед, другие прятались, третьи почти ушли под землю. Взгляд Карло цеплялся за элементы старины: замысловатые фрески, витые бал-

коны, потайные оконца и провисшие деревянные ставни. Небо над головой уже набиралось цветом, воздух как будто стал суше, и зеленые растения в кадках, стоявшие у подножия каменных лестниц, сомкнулись, словно братья, вставшие на защиту владений. Карло не мог бы сказать, что устал от Рима, но последнее время в нем стало слишком беспокойно. Неразбериха со сменой правительства породила серию недовольств, и, разрываемый политическими противоречиями, Рим тщился обрести покой. Но в городках вроде Ланцио все иначе, здесь сами мысли замедляют бег, обретая иную форму, позволяя наконец себя разглядеть.

После полуторачасовой прогулки Карло пришлось признать собственное поражение: он так и не отыскал ни отеля, ни подходящей комнаты, хотя почти на каждом шагу получал подробные инструкции от любопытных местных. Но время не прошло зря: он сумел сложить впечатление о месте, где ему предстояло жить, сделав вывод, что Ланцио был преуспевающим зажиточным городом, знавшим себе цену. И когда Карло плюхнулся на кромку фонтана, плескавшего прозрачные струи посреди центральной пьядцы, то, хоть едва не терял сознание от усталости и нараставшей жары, все же чувствовал себя почти как дома. Отбросив всякое стеснение и не обращая внимания на улыбки случайных прохожих, он принялся обливаться холодной водой, зачерпывая ее обеими руками и позволяя литься за шиворот. Приведя таким образом себя в чувство, он принялся было размышлять о дальнейших планах, как вдруг услышал детский голос, выкрикивающий его имя.

Оглянувшись по сторонам, уверенный, что обращаются не к нему, он увидел мальчишку, со всех ног бегущего к фонтану.

Феррагосто

— Вы синьор Карло? — выкрикнул запыхавшийся ребенок.

Карло удивленно кивнул.

— Графиня Партичини ждет вас. — Мальчонка схватил Карло за руку, стремясь увлечь его за собой. — Идемте!

— Эй, погоди, ты меня с кем-то перепутал, малец. Тебе нужен другой Карло.

— Нет, мне нужен Карло, который приехал найти пропавший поезд, — уверенно проговорил мальчик. — Ведь это вы?

— Смотря кто спрашивает. Но погоди, откуда тебе известно, зачем я приехал? — произнес мужчина, потрясенный тем, насколько быстро здесь разносятся слухи.

— Ну идемте же, — продолжал тянуть за собой мальчишка, чуть не плача. — Я и так слишком долго вас искал, графиня меня наругает.

И Карло ничего не оставалось, как в основательно промокшей рубаше последовать за мальчиком, уповая на то, что перед незапланированной встречей его одежда успеет просохнуть.

Спустя двадцать с лишним минут плутания по городским улицам, некоторые из которых Карло уже узнавал, они миновали центральный район города и зашагали через оливковую рощу, которая хоть и радовала глаз обилием раскидистых деревьев, но тянулась так долго, что Карло решил, что они заплутали. Чемодан оттягивал руку, и Карло поймал себя на мысли, что мечтает бросить его прямо здесь, под одним из бархатистых великанов, и помчаться вслед за мальчишкой налегке. Тот так и не смог дать внятных разъ-

яснений, а лишь как заведенный повторял, что ему было велено найти и привести гостя, что прибыл рано утром из Рима с чемоданом в руках.

Море приближалось. Это стало ясно по нараставшему шуму волн и движению застоявшегося воздуха. Зашелестели листья на верхушках деревьев, сквозь ровные посадки запестрели голубоватые отблески. И тут же Карло и его спутник вышли на зеленое взгорье, на котором паслись дикие козы. Не обращая внимания на палящее солнце, они лениво вскидывали головы и, не заметив ничего любопытного, вновь опускали их в траву.

Небольшое скальное возвышение, на котором стояли Карло с мальчишкой, спускалось к морю подобно амфитеатру, его уступы служили основой очаровательным коттеджам, обращенным в сторону воды. И лишь одна вилла выделялась среди других. Стоящая особняком на самом широком выступе, она поражала не столько размером, сколько величием и степенностью, сквозившими в каждом элементе. Будто старейшина среди непоседливых отпрысков, покоилась она над обрывом, бесстрашно обратившись к бирюзовой глади. Даже не попав внутрь, Карло знал наверняка — в этом доме всегда пахнет морем.

Каким-то чутьем Карло понял, что именно туда и лежал их путь, и прибавил шаг за припустившим вперед быстроногим спутником. Совсем скоро они оказались на месте, и Карло задрал голову, с восторгом обозревая трехэтажный особняк светлого камня, пронизанный словно венами почерневшими от времени трещинами. В одной из башенок дремал небольшой колокол, углы виллы овивала виноградная лоза. Окна прятались за темно-зелеными деревянными

Феррагосто

ставнями, прикрытыми в этот знойный час. Солнечные лучи, пронзая ветви сосен, оседали тонким узором на теплой, усыпанной иглами земле.

Мальчик позвонил в дверь и, даже не попрощавшись, припустил в обратный путь, оставив растерянного Карло на пороге. Спустя минуту, когда мелодичная трель потонула в недрах дома, дверь открыла приземистая женщина в домашнем платье. С теплом во взгляде она встретила гостя и провела внутрь.

— Графиня Партичини примет вас через несколько минут, синьор Карло. Добро пожаловать в La Casa Serena.

Оглядевшись, Карло не смог обнаружить ни единого предмета современной утвари. Особняк графини хранил и с горделивой небрежностью демонстрировал многовековой дух времени, которому принадлежал. Комната была полна рассеянного света, который, отражаясь от мраморного пола, придавал всем предметам призрачное сияние. Подле запорошенного сединой камина лежал выцветший ковер, испещренный мелкими кратерами когда-то давно упавших искр. Открыв рот от восторга, Карло разглядывал громадную картину, изображавшую сцену удачной охоты, и не заметил, как женщина вернулась и пригласила пройти за ней.

В доме царил умиротворение, словно все его обитатели надолго погрузились в сладкий сон. Не лаяли собаки, не было слышно шума электрических приборов, даже стрекот цикад не проникал внутрь, лишь нежный покой сопровождал Карло и его спутницу. Пройдя сквозь арку широкого коридора, они оказались в сводчатом зале, еще более просторном и су-

мрачном, чем предыдущий. Во главе длинного массивного стола сидела женщина, к которой помощница подвела Карло и тут же удалилась из комнаты.

Он не сумел бы определить на глаз возраст графини, но, определенно, она принимала его с достоинством. Карло наклонился и почтительно приложился к протянутой руке, унизанной массивными перстнями. Ноздри окутал древесный аромат, исходящий от рукава платья. «Ей далеко за восемьдесят», — подумалось ему при взгляде на кожу, прозрачную, как лепесток орхидеи. В эту же минуту он заметил, что женщина сидела в инвалидном кресле, вплотную придвинутым к столу.

— Здравствуй, Карло, — прошепел ласковый голос, и Карло встретился взглядом с графиней Партичини, тут же решив, что никогда не видел глаз добрее тех, что смотрели в эту минуту на него.

— Вижу, что ты устал с дороги. Садись за стол, сейчас принесут фрукты и вино.

— Спасибо, синьора. Вы правы, я что-то утомился, слишком много впечатлений за один день. Но ваш дом скрасил все злоключения, — поспешил добавить он. — Я не бывал в таких раньше.

— Он очень крепок, это его главное достоинство. В сильном доме можно позволить себе немного слабости. — Она погладила подлокотник своего кресла.

— Ну садись же за стол, не стой над душой, графиня этого не любит, — вдруг услышал Карло зазорный голосок и, обернувшись, увидел девушку, вихрем влетевшую в комнату. Белая обтягивающая футболка подчеркивала сочный оттенок ее загара, волосы собраны в хвостик, чистое лицо без намека на косметику сияло, а лучезарная улыбка дополняла облик. Обойдя

Феррагосто

Карло и намеренно задев его бедром, она наклонилась и, чмокнув графиню в щеку, громко заявила: — Я только из города. О тебе, Карло, не судачит только ленивый. Я, кстати, Кристина.

— Не знал, что моя персона может кого-то так заинтересовать, — пробормотал Карло.

— Не обольщайся. Их интересуешь не ты, а цель твоего приезда. Ох, простите, Доната, я не хотела вас перебивать! — и девушка шутливо постучала себя по губам.

— Ты права, дорогая, он не успел приехать, как все захотели узнать его поближе. Рада, что стала одной из первых. Кристина — моя старинная подруга, — пошутила графиня. — Теперь уж не разобрать, кем она мне приходится, но одно знаю наверняка, без нее мне пришлось бы нелегко.

— Очень приятно, — ответил Карло, а Кристина в ответ хмыкнула.

— Я узнала о твоём приезде от донна Паволини, — продолжила графиня, — когда он заехал разделить со мной ланч. Вы виделись с ним утром, кажется, он был не слишком приветлив?

— Напротив, он успел дать мне ценный совет. — Карло огляделся по сторонам. — Ваш дом великолепен! Сколько ему лет?

— Около двухсот. Мне он перешел по наследству от отца. Как, впрочем, и титул. Я давно не покидала это место, не знаю даже, сумею ли выжить, если вдруг придется. Поэтому мне пришлось пригласить тебя к себе. Надеюсь, это не спутало твои планы?

— Сказать по правде, мне пока некуда идти. Я искал подходящее жилье, но город словно нарочно прячет от меня все подходящие варианты.

— Не вижу необходимости продолжать этот бесплодный поиск. Если дом тебе так нравится, ты можешь в нем поселиться.

Кристина, изогнув бровь, наблюдала за удивленным лицом Карло.

— Спасибо за приглашение, но, прежде чем принять его, я хотел бы узнать причины, по которым вы решили его сделать, — он осекся, посчитав свой ответ недостаточно вежливым.

Графиня понимающе кивнула.

— Молодежь хочет понять все и сразу. И лишь с возрастом приходит осознание, что иногда стоит все-таки немного подождать.

— Боюсь, вы правы, — все же решил высказаться Карло. — Я как раз из тех молодых людей, что, возможно, слишком стараются. Будь иначе, мне не следовало бы приезжать сюда. В вашем городе произошло невероятное событие, и именно желание действовать, я уверен, поможет мне найти разгадку исчезнувшего поезда. Я верю, что тайна этого происшествия где-то спрятана, и я найду ее, потому что, видит бог, это тема для первой полосы, а я журналист, через мои руки прошло много преступлений, и знаете, если только это одно из них... В Ланцио живут, могут жить люди, которые наверняка помнят тот день. Пойдите, вы ведь тоже... Графиня, сколько вам лет? Простите за вопрос, но вы же должны были что-то слышать. Вы знаете, что произошло тогда? — Возбужденный голос Карло повис в тишине комнаты. Кристина, метнув взгляд на графиню, потупила глаза. Пожилая женщина сидела не двигаясь, казалось, слова Карло навеяли на нее печаль.

— Ты слишком торопишься, — наконец произнесла она, прикрыв глаза. Подождав с минуту, она вновь

Феррагосто

открыла их, и Карло заметил в них озорные искорки. — Почему он так торопится, Кристина?

Появившееся было напряжение испарилось без следа. Кристина подхватила игривый тон графини:

— Ну он же из Рима. У них там много дел!

— И как успеть их все переделать...

— Если встаешь после полудня!

Карло вспыхнул, а обе женщины засмеялись, одинаково задорным, но по-разному звучащим смехом. Кристина — звонким, Доната — сдержанным.

— Оставайся в моем доме, здесь будут тебе рады, — тепло обратилась она к Карло, не замечая его смущения. — Ты же не сможешь отказать женщине, годящейся тебе в прабабушки?

* * *

Карло провели в его комнату, где он принял душ и переоделся в свежую одежду. Чуть позже к нему вошла Кристина, как отметил про себя Карло, без стука.

— Ну, как тебе новый дом? — спросила она, усаживаясь на кровать.

— Он и твой тоже?

— Что? А, нет, я здесь не живу. Доната наняла меня несколько месяцев назад, когда из-за проблем со здоровьем ей пришлось сесть в инвалидное кресло. Думала, что ей понадобится еще одна помощница, но, как оказалось, она отлично справляется и без моей помощи. Однако, как видишь, я все равно осталась, в качестве компаньонки. Она называет меня «птичкой, которая приносит на крыльях новости». По-моему, это очень мило.

— Мне показалось, что Доната очень добра. Не могу поверить, что она вот так запросто пригласила меня жить здесь, — он осмотрел комнату с белеными стенами и иконой Девы Марии на стене. — И честно говоря, я не думаю, что Ланцио гостеприимен настолько, что его жители пускают к себе незнакомых людей с улицы. Тут явно дело в другом. И я уверен, что ты знаешь в чем, — он выжидающе взглянул на девушку.

— Графиня права, ты слишком торопишься. Но да, верно, причина есть, только я не думаю, что хозяйка будет рада моей болтливости в этот раз. Ты узнаешь все, когда графиня сама захочет этого. — Девушка поднялась и подошла к окну. Привычным движением распахнула наружные створки, и в комнату хлынул поток предзакатных лучей. — Тебе дали лучшую комнату, только взгляни, какой вид.

Карло подошел и выглянул наружу. Бескрайний синий простор предстал его глазам. Плеск волн раздавался снизу, но пляжа за деревьями он не сумел разглядеть. Зато увидел старинную лестницу, спускающуюся прямо к морю. Ракушечно-белая сверху, книзу она линия в темной, вероятно, из-за многолетнего соседства с водой.

— Какие планы на остаток дня? Доната решила прилечь до ужина, так что ты можешь делать что вздумается. Предполагаю, что гулять сегодня тебе уже не захочется. — Она бросила взгляд на кипу пропахшей потом одежды в углу.

— Наверное. Мне нужно собраться с мыслями. Радуется, что жилье я уже нашел, так что, по-видимому, я свободен. Но кое-что я действительно хотел бы сделать. Покажешь мне туннель, где пропал поезд?

— Хочешь увидеть Клык?

Феррагосто

— Клык?

— Туннель назвали по форме скалы, в которой его проложили. Он и правда напоминает большой заостренный зуб. Я могла бы отвезти тебя, но ты уверен, что действительно хочешь туда попасть? У туннеля дурная слава.

— Жители Ланцио настолько суеверны?

Вместо ответа Кристина снова хмыкнула.

Через несколько минут они были внизу, и девушка прыгнула за руль двухместной малолитражки.

— Доната подарила мне эту крошку. Представляешь, совсем новая.

— Кажется, она к тебе действительно привязалась.

— Богатство и щедрость — нечастые соседи. Но Доната открывает сердце тем, кто не воспользуется ее добротой в корыстных целях. Возможно, она оказалась тебе слишком доверчивой, но, поверь, тебе лучше не злоупотреблять ее гостеприимством.

— Ты считаешь, что я на такое способен? — взвился Карло.

— Просто предупреждаю.

Спустя полчаса они припарковали машину в тени раскидистых деревьев. За широким полем возвышался осколок скалы с чернеющим арочным зевом. Он действительно напоминал громадный клык неведомого исполина. Карло присвистнул, пытаясь на глаз определить его высоту, выходило что-то порядка пятидесяти метров. За ним простирались возвышения поменьше.

— Вот он. La zanna — Клык. По мне, так ворота в преисподнюю. Не люблю это место, у меня от него

начинается клаустрофобия, я даже на поезде в Рим из-за этого не езжу, только на машине. Пойдем, я проведу тебя, если хочешь, но предупреждаю, заходить внутрь не стану. — Она поежилась.

— Брось, я приехал в Ланцио через этот туннель, со мной же ничего не случилось.

Карло не отрывал от туннеля взгляд. Он преувеличил собственное бесстрашие перед Кристиной, туннель и в самом деле производил гнетущее впечатление. Наверняка все дело в контрасте безобидного пейзажа и зловещего отверстия на его фоне. Они зашагали через обезглавленные колосья и спустя десять минут достигли цели. Вдалеке виднелись посеченные холмы старых карьеров: когда-то здесь велись разработки породы, но сейчас все казалось давно заброшенным. Перешагнув через раскаленные рельсы, Кристина и Карло заглянули в гулкую темноту. На них пахнула прохлада. Где-то вдали мерцала светлая точка, выход, до которого, казалось, предстоял бесконечно долгий путь. «Идти через туннель на ту сторону опасно, — решил Карло. — Если появится поезд, кто знает, смогут ли они где-нибудь укрыться». Он дал себе слово обязательно вернуться сюда для более тщательного осмотра, скорее всего, уже одному, без Кристины.

Сделав предварительный осмотр, они направились к машине. Жар уже спадал, воздух повис, недвижимый, утомленный. Карло едва волочил ноги. Все-таки стоило послушать советов местных: остаться дома и не бросаться на поиски ответов в первый же день.

Наконец они добрались до припаркованного у дороги автомобиля, и Карло без сил плюхнулся на переднее сиденье. Кристина же, напротив, казалась ожив-

Феррагосто

ленной, словно их приключение доставило ей уйму удовольствия. Она вырулила на дорогу, напевая себе под нос и качая головой, позволяя теплому ветру трепать волосы, пока машина набирала скорость.

— Что ты знаешь об этом деле? — спросил Карло.

— Немного. В городе есть несколько версий происшедшего. Но в большинство из них я не верила даже в детстве. Инопланетяне, дух горы, проклятье и прочая ерунда.

— А что насчет других?

— В шестьдесят девятом в Ланцио приезжали студенты-физики из университета Палермо. С одним из них я даже закрутила интрижку, кажется, его звали Джино. Как я поняла, проект был засекречен, и он не делился подробностями, сказал только, что дело касалось какой-то недоказанной теории. Они пробыли здесь около месяца, жили в лагере, раскинули его прямо там, недалеко от туннеля, делали замеры, расставили кучу всяких приборов, не знаю, чем у них дело кончилось.

— А Джино не говорил, какова основная версия исчезновения? Наверняка у них в университете кто-то выдвинул парочку.

— Да нет же, ничего такого. — Она пожала плечами. — Да и, честно говоря, у нас были дела поважнее болтовни о поезде.

— Не сомневаюсь.

— Ой, посмотрите на него! — Она повернулась к Карло, позабыв о дороге. — Так ты из скромников?

— Не понимаю, о чем ты. Я здесь по делам, и мне неинтересны подробности чьей-то личной жизни. Просто твоя невнимательность характеризует тебя с определенной стороны.

— Что ты хочешь этим сказать?

Линда Сауле

— Только то, что ты познакомилась с человеком, который мог открыть самую большую тайну твоего родного города, а тебе было интереснее крутить хвостом.

— Да откуда тебе знать, что мне интересно, а что нет? — задохнулась от негодования Кристина. Она почти не смотрела на дорогу, как будто ее совсем не волновало, едут ли они прямо или виляют из стороны в сторону. Мимо на скорости проносились высокие тополя. — Ты вовсе не имеешь права меня судить!

— Осторожнее! — вскрикнул Карло, заметив у края дороги мужчину на велосипеде, которого Кристина, судя по всему, не видела. Мужчина ехал вдоль обочины, велосипед покачивало, и Карло понял, что еще секунда — и он рухнет на дорогу. Так и произошло. Мужчина потерял равновесие и кулем повалился набок, прямо под колеса автомобиля. Кристина рванула руль в сторону и ударила по тормозам. Но было поздно. Раздался протяжный визг шин, а следом металлический скрежет и глухой стук.

ГЛАВА 3

Ланцио, Италия. 1907 год

Лоренцо вбежал к матери, не оглядываясь по сторонам. Ее комната была для него давно разведанной территорией: он помнил, как пахнут занавеси, за которыми он укрывался, играя в прятки, знал, какая половица скрипит громче других, и даже помнил, в каком месте окно перебежала длинная изгибистая трещина. Поэтому он без промедлений бросился к матери с выражением радостного волнения на лице. Доната Партичини, лежа в постели, раскинула руки, принимая в объятия сына. Прохладный шорох простыней смешался с ласковыми словами, которые она пробормотала, целуя мальчика в макушку, вдыхая запах волос и накрахмаленной рубашки.

— *Amore mio*, доброе утро!

— Ты позволишь мне пойти погулять?

Доната различила в голосе заискивающие нотки.

— Но дорогой, к обеду будут гости, я хотела, чтобы ты остался со мной. Куда же ты хочешь пойти?

— С ребятами, на карьер.

— Лоренцо, нет! — воскликнула Доната. Ее безмятежный настрой тотчас испарился. — Ты же знаешь, что я запретила тебе даже смотреть в ту сторону.

— Но я же не один, и папа тоже будет там!

— Отец работает, ему некогда следить за вашими проделками. К тому же все твои друзья старше тебя. Возможно, их родители это одобряют, но ты еще слишком мал.

— Еще чего! — воскликнул мальчик. — Мне уже почти двенадцать! Все мальчишки уже там побывали, и только мне ничего не разрешают!

Лицо Лоренцо скривила гримаса обиды, и он бросился вон из комнаты, Доната услышала, как по лестнице застучали ботинки. Вздохнув, женщина подошла к зеркалу. Темные волосы обрамляли нежный овал ее лица, глаза смотрели внимательно, но взгляд их казался рассеянным, словно графиня видела в отражении совсем другого человека. Не торопясь, она сменила ночную рубашку на платье, подхватив его шелковым ремешком, и выглянула в окно, на внутренний двор. Лошадь мужа топталась на привязи у конюшни, тщетно стараясь найти хоть травинку посреди вытоптанной земли. «Лошадь не в стойле, значит, муж скоро уедет», — подумала Доната и поспешила вниз, чтобы застать его до отъезда.

— Николо, дорогой, ложился ли ты? — с улыбкой обратилась она к крепкому мужчине, одетому в рабочий костюм и высокие сапоги.

— Я рано уехал, нужно было успеть встретить рабочих. — Он коснулся губами ее лба, а она прикрыла глаза, отдаваясь краткому проявлению нежности.

— Проследи за Лоренцо, пока ты здесь, кажется, он собирается ускользнуть на карьер. Я была строга, но, кажется, недостаточно. Скажи ему, что ты этого не одобряешь, тебя он наверняка послушает.

— Я много раз говорил ему, что детям там не место.

Феррагосто

— Ты не останешься на обед? Сегодня придет отец Флавио, ему снова нужно увидеться со мной. Было бы чудесно, если бы ты поддержал нашу компанию. Мне кажется, когда ты рядом, он так сильно не занудствует.

— Останусь, но вовсе не из-за отца Флавио, — усмехнулся Николо. — Я жду Франко, он должен быть здесь с минуты на минуту. Помнишь, я рассказывал, мы познакомились на автомобильной выставке в Милане?

— Франко? Да, кажется, припоминаю. Дам распоряжение поставить еще один обеденный прибор. Для чего он приезжает в Ланцио?

— Я думаю, ты можешь сама у него это узнать, — ответил Николо, прислушиваясь. — Кажется, он уже здесь.

Супруги вышли к парадному входу в тот самый момент, когда на двор въезжал автомобиль. Николо вышел вперед, чтобы поприветствовать гостя.

— Ты все-таки купил его! — воскликнул он, заметив толстый слой дорожной пыли на лакированной поверхности. Николо провел пальцем по капоту. — Кажется, наши дороги еще не готовы к подобной роскоши.

— Это вопрос времени, мой друг, — ответил гость, захлопывая дверцу. Друзья тепло обнялись. — Ну! Ты только взгляни на этого красавца, или красавицу, это уж как посмотреть. Не могу отделаться от ощущения, что вожу не автомобиль, а карету с двигателем. — Он рассмеялся и тут заметил Донату. На ее лице играла приветливая улыбка — хозяйка дома отдала должное манерам и эффектному появлению неожиданного гостя.

— Франко, это Доната, моя супруга.

— Рад знакомству. — Он почтительно кивнул и, приблизившись, поцеловал руку. Только сейчас графиня заметила, что Франко говорил с сильным акцентом, впрочем, от этого его речь не стала менее приятной.

— Вы приехали из Франции на машине?

— Нет, что вы! Ее доставили из Милана напрямиком в Рим, а уже из Рима я решил совершить эту дальнюю прогулку. И вот я здесь! — Он окинул взглядом особняк и восхищенно покачал головой. — Какой прекрасный дом, а вид ну просто лишает дара речи. Пока я добирался сюда, чуть шею себе не свернул, рассматривая окрестности и море. Вам очень повезло с расположением.

— Я передам отцу ваши комплименты. Ее название La Casa Serena, что означает «безмятежный дом».

— Прекрасно звучит. Желаю, чтобы он всегда оставался таким. Между прочим, я приехал не с пустыми руками, — спохватился он и, вернувшись к машине, вытащил оттуда рулон, туго спеленатый бечевкой. — Ковер из Обюссона, ручная работа, разумеется.

— Какая прелесть, я так давно хотела приобрести нечто подобное, но он, наверное, стоит целое состояние! Grazie mille, синьор Франко. Мы постелем его в главной комнате у камина, все равно в нем никогда не разводят огонь, так что можете не беспокоиться о сохранности подарка!

— И не думал.

— Позвольте, я отлучусь, нужно сделать распоряжения на кухне. А за ковром сейчас пришлю слугу, можете пока положить его на веранде.

Доната вошла в дом, где ее чуть не сбил с ног Лоренцо. С круглыми от удивления глазами он бросился к ав-

Феррагосто

томобилу и замер в восхищении, разглядывая приборную панель и тонкий руль с оливковым отливом.

— Это Лоренцо, мой сын, — представил Николо мальчика в рубашке и шортах с аккуратно заутюженными стрелками.

— Чао, Лоренцо! — крикнул Франко, но мальчик даже не обернулся.

— Кажется, он уже нашел себе компанию.

— Хочешь посидеть внутри? Дай-ка я тебя устрою.

Увидев, как Лоренцо с воодушевлением закивал, Франко открыл дверь, усадил мальчика на сиденье и принялся объяснять ему принцип работы автомобиля.

Стол был накрыт к обеду. Мясо ягненка соседствовало с молодыми бобами с овечьим сыром, рядом исходил паром картофель с грибами и чесноком, спагетти с анчоусами, ароматные кексы, два графина красного вина. Франко, как почетного гостя, усадили во главе, рядом Николо, напротив Доната. Лоренцо смиренно сидел на стуле рядом с матерью, по всей видимости, идея с побегом на карьер блекла в сравнении с возможностью посидеть в настоящем автомобиле. Лицо мальчика так сияло, что отец Флавио, который пришел с небольшим опозданием, то и дело отвлекаясь от трапезы, теперь с подозрением косился на него.

— Попробуйте хлеб, — с набитым ртом предложил он присутствующим. — Послушники испекли его рано утром, но вот беда, наша мельница сломалась, работать стало невозможно. Долго ли мы протянем, если не сможем сами молотить зерно? Это просто катастрофа! — Он потряс вилкой, на которой едва держался увесистый кусок мяса. — Хлеб — наш главный источник пищи и дохода, чего уж греха таить.

— А почему вы ее не почините? — спросил Лоренцо.

— Думаешь, это так легко, мальчик? Мои воспитанники — едва ли старше тебя, вот только встают они до рассвета, а потом работают до самой зари. Откуда им знать, как исправить мельничное колесо?

— Не беспокойтесь, падре, я с радостью оплачу ремонт, — проговорила Доната.

— Ах, *dio ti benedica!* Если бы только ремонт, моя дорогая. Боюсь, как бы дело не кончилось постройкой новой мельницы.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — сказал Николо. — Хотя бы не в этом году, святой отец. — Он сложил руки в молитвенном жесте, в глазах плясали чертики. — Пощадите!

Священник неодобрительно покачал головой и отправил в рот ягненка, лишая себя возможности что-либо ответить.

— Я могу взглянуть, это не проблема. Я довольно часто имел дело с мельницами, — предложил Франко.

— Не стоит, дорогой друг, вы же только прибыли, — отмахнулся священник не без досады. — Мы с графиней сами решим эту проблему.

— Франко! — поспешила переключить его внимание Доната. — Скажите, как вам удастся справляться с таким сложным механизмом, как автомобиль? Я слышала, чтобы уметь им управлять, нужна недюжинная сила.

— Это не сложнее, чем управлять лошадью. По крайней мере, автомобиль не выбросит из кресла, если ему не понравится ездок. Думаю, даже вы смогли бы его оседлать. Да, я почти уверен, что у вас получится, у меня длинный нос, так говорят в Италии?

Феррагосто

— Но fiuto¹, — засмеялся Николо, подливая гостям вина.

— Вы надолго в Ланцио? — спросила Доната.

— Думаю, что да. Я планирую окончательно перебраться сюда из Франции. Я полюбил ваши земли, как только увидел. Франция умеет удивлять, но Италия — любить, не правда ли?

— Так вы романтик?

— Только когда необходимо!

— Но ведь в Париже столько интересного, особенно сейчас, говорят, там царят особые творческие настроения.

— Вы правы, художники теперь заправляют умами молодых. Нас легко увлечь, стоит показать нечто непохожее на то, что мы привыкли видеть, и вуаля — мы пойдем за вами куда угодно! В Париже расцвел дух сюрреализма, не могу сказать, что он мне близок, но молодые художники весьма вдохновлены этим течением, они создают удивительные работы, устраивают выставки. Вы любите живопись?

— Да, разумеется, я даже брала частные уроки. В Италии сильная школа. Но про сюрреализм я еще не слышала.

— Оставим его Парижу. — Франко подмигнул. — Что еще могло родиться в городе, где молоко развозят на повозках, запряженных собаками!

— Вы не шутите? — рассмеялась Доната.

— Вовсе нет! — отозвался Франко, обмакивая хлеб в оливковое масло и отправляя его в рот.

— Между прочим, у нас имеется кое-что с твоей родины, — сказал Николо, вставая. Он подошел к не-

¹ У меня интуиция (*итал.*).

большому ящику на комодe и, открыв крышку, с улыбкой завел ручку патефона. — Прямиком из Франции!

Бархатистая музыка разлилась по комнате.

— Это же Патэ! — воскликнул Франко, удовлетворенно кивая. — Он ведь переносной? С каждым годом эти аппараты становятся все меньше.

— Надеюсь, музыка в итоге не исчезнет, — сказала Доната. — Франко, мне так хочется вас чем-нибудь удивить, я подумала, что если вы не заняты, то могли бы присоединиться к нашей семье. Завтра в городе отмечается Sagra del Limoni¹, будет всеобщее веселье и много лимонов, надеюсь, вы их любите.

— Мне не терпится познакомиться с обычаями здешней земли. И завтрашний день определенно подходит, сегодня я бы не смог ответить согласием: у меня запланировано несколько важных дел, которые требуют присутствия. После обеда я вас покину, нужно съездить за город, чтобы взглянуть на выставленный на продажу участок.

— Что за вложение ты хочешь сделать? — заинтересовался Николо.

— Вы нас простите? — Франко поднялся из-за стола и кивнул Донате, давая понять, что хотел бы продолжить разговор наедине с Николо. — Всего одна сигарета, и мы вернемся.

Мужчины вышли на улицу и закурили.

— Мне подвернулся обширный участок, на котором я хочу открыть шахту по добыче известняка, — продолжил Франко.

— Но в городе и так полно шахт, проблема не в том, чтобы открыть еще одну, а в том, чтобы най-

¹ «Фестиваль лимонов» (итал.).

Феррагосто

ти на сырье покупателей. Мы почти не экспортируем, во Франции, Испании и Англии работают местные поставщики, а в Италии спрос совсем не велик...

— Мне нужно перебросить активы. Во Франции я продал земли, чтобы начать все с нуля на новом месте. Боюсь, у меня нет другого способа сохранить капитал, кроме как основательно вложиться там, где я намерен обосноваться. Я сделал ставку на Ланцио, потому что этот город богат природными ресурсами, я уверен, что он принесет мне отличный доход.

— Я только предупреждаю тебя, что бизнес этот не такой простой, как кажется. Мы платим огромные налоги за каждый квадратный метр, на который уходим в глубь собственной земли. Ты не можешь просто купить землю и начать добычу, это делается не так.

— Дело решенное. Я лишь хочу понять, подходит ли мне Клык.

— Ты хочешь купить Клык?

— Его и прилегающие участки.

— Но на них никто не зарится уже много лет. Все массивы вокруг Клыка, включая саму скалу, состоят из жесткой скальной породы. На ее разработку ты потратишь больше денег, чем выручишь от продажи добытого материала. Впрочем, тебе решать, — осекся он на полуслове. — Я не стану переубеждать тебя, возможно, дело и выгорит.

— Мир не стоит на месте. Передовые технологии приходят на смену ручному бурению.

— Это требует больших вложений! — ответил Николо. — Хотя если у тебя есть возможность применить более совершенные методы, думаю, ты заткнул бы всех за пояс в этом городе. Включая меня.

Ярмарочное веселье разгоралось. Разодетые горожане шествовали от прилавка к прилавку, вынося вердикты представленным блюдам: лимонным пирогам и тортам, сочному варенью и светло-янтарному мармеладу. На небольшой сцене отплясывали пары, вокруг них, сбивая танцоров с ритма, сновала детвора. Лимоны царили повсюду, вызывая аппетит, в воздухе витал их терпкий аромат. Мужчины, степенно переговариваясь, цедили лимончелло, дети выпрашивали сладости. Лоренцо весь чесался от тесного костюма, в который его запихнула мать. Но как только он увидел Беатрис, в ту же минуту мысленно вознес слова благодарности за то, что мама постаралась над его одеянием. Девочка подошла к Лоренцо:

— Ты видел, там приехал автомобиль!

— Это, наверное, Франко, — как можно небрежнее проронил он в ответ.

— Ты знаешь его? — удивилась девочка.

— Да, это друг отца, он приехал из Франции. Если хочешь, я попрошу, чтобы он разрешил нам посидеть внутри.

Подростки побежали к Франко и с его позволения расселись на передних сиденьях под одобрительные выкрики зрителей. Франко и Николо отошли подальше от шума и присели покурить. Николо выглядел отдохнувшим после рабочего дня, а Франко, напротив, казался взволнованным.

— Тебе удалось проверить сделку?

— Да, я уже подписал все бумаги.

— В Италии так дела не решаются, ты слишком топишься, друг...

Феррагосто

— Не беспокойся за меня. Ты же помнишь, у меня «нос». — Франко пальцем постучал себя по кончику носа. — Кроме того... — он помолчал. — Есть кое-что еще, что окончательно убедило меня в покупке этого участка. При осмотре я заметил там небольшие прожилки меди, почти незаметные.

— Меди? У нас отродясь не бывало меди.

— Я осматривал соседние породы, там ее и нет, а возле Клыка она имеется, хоть и в совсем небольшом количестве. Я мог ее и не заметить, будь я менее внимателен.

— Но сколько ее там на самом деле? Не думаю, что ты сможешь обнаружить большие залежи, этот регион богат известняком и глиной, но не медью, уж поверь мне, я много лет в этом деле.

Франко наклонился вперед и, понизив голос, проговорил прямо в лицо друга:

— Мне не нужно много меди. Ты как никто другой должен знать, что может принести этот участок, будь там меди хоть на грамм.

— Ты хочешь сказать...

— Золото, Николо, — понизив голос, проговорил Франко. — Там, где есть медь, может быть и золото.

ГЛАВА 4

Ланцио. Италия. 1972 год

После аварии Карло отвез Кристину в больницу, она пострадала незначительно: пара царапин на лице и крепкий удар пришелся по руке, когда машину повело. С синьором на велосипеде все оказалось не столь гладко. Кристина хоть и успела снизить скорость, но все же машина по касательной ударила пожилого человека бампером, что закончилось сильным ушибом спины. Однако он отказался ехать в госпиталь и не пожелал дожидаться карабинеров. Синьор Маурицио отправился домой, куда и держал путь до столкновения. Карло ничего не оставалось, как отвезти Кристину в госпиталь, где он оставил ее наедине с врачом, а сам вышел на улицу, чтобы перевести дух от событий первого дня в Ланцио. Взгляд его упал на подсвеченную в сумерках вывеску полицейского участка, который располагался через дорогу от больницы, и тут же одна мысль пришла ему в голову.

Он зашел в участок и оглядел пустую приемную. Окна нараспашку, вдоль выкрашенной кисточкой стены стоят пластмассовые стулья, с потолка свисает одинокая лампочка. «Куда все подевались? — раздраженно подумал Карло. — Или в Ланцио никогда не происхо-

дят преступления?» Он принялся стучать в одну из закрытых дверей, но никто не появился. Прождав еще десять минут, Карло решительно толкнул дверь в кабинет. Четыре пары глаз обратились на Карло, в руках у всех — игральные карты. Разговоры тут же смолкли. «Все это время они были заняты карточной игрой!» — пролетела возмущенная мысль. Сам он хорошенько ударился при столкновении, рука и бедро жутко саднили, голова кружилась, а полицейские даже не удосужились выйти к нему! Но Карло решил не кипятиться зря и обратился к ближайшему карабинеру:

— Я бы хотел поговорить с кем-нибудь по поводу происшествия, случившегося в Ланцио много лет назад.

— Говори, — ответил тот, откладывая карты и разводя руками, показывая, что секретов друг от друга здесь не держат.

— Мне нужна информация по поводу пропавшего в Клыкe поезда, — начал он.

Лица вмиг оживились, теперь на них не осталось ни следа скуки, два карабинера переглянулись, позабыв игру. Наконец тот, что, вероятно, был главным и имел самый нахальный вид, произнес:

— Caro, вот что я скажу тебе, раз уж ты здесь, потратил свое время и приехал из... Откуда ты, кстати, приехал? Неужто из самого Рима? Так вот, раз уж ты приехал и тебе так необходимо провести расследование, и раз у тебя, как видно, совсем мало других дел, то почему бы тебе... — Он оглянулся по сторонам, выдерживая эффектную паузу. — Почему бы тебе не расследовать, ну, например, исчезновение Гудини? — услужливый хохот грянул по кабинету.

— *Basta così*, — устало проговорил Карло. — Я здесь по делу. Мне позарез нужно узнать о том един-